

СКАЗАНИЕ О КОММУНИСТЕ

Отец только начинал разменивать седьмой десяток, когда его не стало. Случилось это в морозный январский день 1975 года, когда зимнее солнце уже катилось к горизонту. Смерть родителя для нас не была неожиданностью: месяца три отец страдал от сильных болей, распухли колени и челюсть, на которые в далекие 40-е годы ему сделали не одну хирургическую операцию. В ту зиму мне было всего двадцать с небольшим лет, и я еще не понимал, что смерть родителя — это большая, невосполнимая утрата. Острое осознание этого чувства пришло ко мне только тогда, когда я сам стал приближаться к этому возрасту.

На похороны отца из районного центра приехал начальник РОВД Хамит Ибрагимович Исмагилов. Причем здесь главный милиционер района, и что означает его присутствие — не догадывался, даже не задавался подобным вопросом. Осмыслил данный факт долгие годы спустя, после прочтения записей отца: он ведь был коммунистом с большим стажем, постоянным членом парткома колхоза. Тогда существовала традиция: на проводах в последний

Файруша Мухаметович Хужин

пути коммуниста присутствовал член бюро райкома КПСС. Прокурор района, начальник милиции, судья как раз ими и являлись.

Если бы не записи, которые оставил после себя отец, я и не знал бы многого о нем. Для меня он запомнился тем, что все дни пропадал на работе и возвращался домой поздно вечером. А все хозяйство, когда мы, его дети, были еще малыми, лежало на плечах матери, потому что отец был инвалидом II группы: у него полностью отсутствовала кисть левой руки. Записи, которые составляют три тетради по 24 страницы, поведали мне о том, о чем никогда не рассказывал наш родитель.

«Я, Хужин Файруша сын Мухаметши, родился 16 февраля (по старому стилю) 1913 года в деревне Табулда Калкашевского юрта Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, — пишет он. — Старше меня были еще три брата — Надрша, Ахметша и Сафа. Жили мы не богато. В отцовском хозяйстве содержались корова да тощая лошадь. Основная еда — кислое молоко, в которое крошили куски черного хлеба из лебеды. Носить пришлось старую одежду. Ведь наше детство совпало с Первой мировой войной, потом произошла революция, далее — нашествие интервентов. Хорошо запомнился голодный 1921 год. Через деревню проходили толпы изможденных людей, многие сельчане умерли с голоду. Их трупы собирали и хоронили по несколько человек в одной могиле. Наша семья тогда выжила. Мы владели 9 отрубями, то есть 40 гектарами земли. Отец отдавал часть площади в аренду русским крестьянам из близлежащих деревень Раевка, Карамалы, Караяр. Этим и кормились...»

В один из холодных осенних дней десятилетнего Файрушу отправили обучаться грамоте к деревенскому мулле Бахтигиру. Отправитель культа давал уроки у себя дома. Однако отцовские университеты продолжились недолго: за детскую шалость как-то мулла щелкнул ему по лбу толстым пальцем. От удара на лбу ученика вскочила шишка. Посещать уроки после этого мальчик не захотел. К его счастью, на соседней улице открылась советская школа. Там отец и получил начальное образование. На этом его обучение грамоте завершилось. Наряду со старшими братьями он впрягся в крестьянское хозяйство.

В 1929 году в Табулдах начали организовывать колхоз, продолжает свои записи отец, куда вначале вошло всего несколько домохозяев. В том же году часть деревенской молодежи объединилась в комсомольскую организацию. Стал ее членом и мой отец. Деревенскую мечеть, предварительно спилив минарет, комсомольцы объявили клубом. На крышу водрузили красный флаг, который, развеваясь на ветру, смотрелся очень красиво. По вечерам в учреждении культуры проводили различные мероприятия, ставили спектакли, вели разговоры про колхоз, классовую борьбу. Народу всегда было битком. Новая жизнь, маячившая на горизонте, как о том твердили коммунисты, способствовала небывалому росту романтических настроений среди сельского населения.

«...После первого секретаря комсомольской ячейки Мустафы Изикаева уже через год секретарем избрали меня. Нас уже насчитывалось около двух десятков. В 1930 году все табулдинцы вступили в колхоз, в деревне не осталось ни одного крестьянина-единоличника. Борьбу с кулаками, которые что-то замыслили против новой жизни, вели также комсомольцы. В Табулдах большевиков не оказалось. О происках кулаков комсомольцы сообщали куда следует. Перед началом жатвы я был назначен бригадиром. Тянуть одновременно две лямки было очень сложно, но я прилагал все силы, чтобы успеть и там, и тут.

В октябре того же года райком комсомола направил меня на трехмесячные курсы учителей в г.Стерлитамак. Условия быта оказались тяжелыми: в общезжитии было холодно, иногда не топили по три дня подряд, питались черным хлебом да капустой. Однако мы не унывали, учебу одолели. После окончания курсов я получил направление в Макаровский (ныне Ишимбайский. — **М.Х.**) район. Ехал на место назначения в подавленном настроении, так как моя старая и поношенная одежда никак не соответствовала социальному положе-

нию. Учителем я стал в деревне Исякай. Головой окунулся в работу, по вечерам обучал грамоте старших. В деревне работал клуб, народ туда ходил с большой охотой. Каждую неделю ставили спектакли. Меня избрали секретарем комсомольской ячейки. Дел по горло, даже подпиской на газеты и журналы приходилось заниматься.

Зарплату, которая составляла 60 рублей в месяц, я получал через сельсовет. Скинув обноски, купил новую одежду, и стал походить на учителя. Следующий учебный год начал заведующим Аптиковской школой в том же районе. Зарплату повысили до 105 рублей, в то время это были большие деньги. Занятия велись в двух разных помещениях (бывших домах кулаков), что создавало определенные трудности. Летний отпуск полностью ушел на то, чтобы объединить эти постройки в единое целое. Приближался новый учебный год, а я еще не успел побывать дома. Очень соскучился по родным. Отпросился на четыре дня и поехал домой...»

Угораздило же молодого учителя зайти в правление колхоза. Рядом с председателем важно восседал незнакомый ему человек. Он и поинтересовался личностью посетителя. Узнав, что перед ним учитель, то есть грамотный человек, распорядился назначить его счетоводом колхоза. В деревне, оказывается, некому было вести учет в хозяйстве. Потом отцу стало известно, что этот важный человек — начальник политотдела Мустаев. Данные структуры наделялись неограниченными полномочиями. Так вчерашний учитель опять стал колхозником. Тогда еще не имел представления, что это на всю оставшуюся жизнь. Вскоре его выбрали председателем колхоза.

...Через полгода его отстранили от председательской работы. Он стал секретарем, кассиром и табельщиком одновременно. Председателей колхозов тогда меняли чуть ли не каждый год. В октябре 1934 года на общем собрании колхозников его опять избрали председателем. Работу счетовода пришлось также выполнять самому. 21-летнему парню было трудно находить общий язык с колхозниками, в большинстве своем людьми гораздо старше его. Кое-кто о нем отзывался так: сопляк, молоко на губах еще не обсохло. Иметь деловые контакты надо было не только с колхозниками, но и с руководством МТС, контора которой находилась в русской деревне Караяр, что в километрах трех на восток от Табулдов. А русским языком владел неважно.

Год спустя Файрушу Хужина призвали в Красную Армию. Дела в колхозе пришлось сдать. Службу отец проходил в городе Пскове, где только организовывалась кавалерийская дивизия. Жили красноармейцы в здании бывшей церкви, строили конюшню. Во время распределения по взводам отец попросился в химический. Там в основном были русскоязычные солдаты, ему хотелось быстрее овладеть русским языком. Через восемь месяцев отца перевели химинструктором в другой эскадрон, состоящий в основном из тюркоязычных солдат. По заданию комиссара полка он по вечерам обучал их грамоте. В те годы призыву подлежали и безграмотные. Отцу приходилось писать письма для некоторых, а также читать полученные из дома. Работу секретаря комсомольской ячейки тоже взвалили на его плечи. Переводить с русского на доступный для «тюрко-татар» язык во время политинформаций и политзанятий также входило в его обязанности. В конце службы красноармейцу Хужину присвоили звание помощника командира взвода, то есть старшего сержанта.

«На дворе стоял уже октябрь 1937 года. В колхозе хлеб уродился хорошо. Сельчане сыты и довольны. По их просьбе уже в ноябре я снова возглавил колхоз «Яны юл», — продолжается в записях. — Теперь никто не мог назвать меня «желторотым». Свои обязанности знаю, колхоз с заданиями справляется. Однако я чувствовал острую необходимость продолжить образование. К сожалению, в райсовете в моей просьбе отказали. Но думу свою я не оставил. Ждал подходящего случая».

В декабре 1939 года отца неожиданно вызвали в военный комиссариат. После краткой беседы в райкоме РКП(б) и ВЛКСМ предложили подать заявление с просьбой отправить добровольцем на фронт. Красная Армия вела зимнюю кампанию против Финляндии. 21 комсомолец подали заявления. Далее отец описывает, как они ехали на фронт. Через город Череповец на товарных вагонах добрались до Петрозаводска, оттуда — в Мурманск. Обучали красноармейцев ходить на лыжах. На этих широтах отцу впервые довелось увидеть раненых солдат, полуторки, залитые кровью. Однако вступать в бой с противником им не пришлось. Находясь в глубоком рейде в тылу врага, они получили сообщение о том, что финны капитулировали.

В Уфе добровольцев встретили как победителей. Оказали небывалые почести. Однако, как выяснилось далее, отпускать их домой не собирались. Погрузив в товарные вагоны, красноармейцев отправили на восток. Состав остановился в Челябинске, где был предоставлен почти месячный отдых. Затем стали лагерем возле Чебаркуля. С утра до вечера обустроивали лагерь, рубили лес, строили, мостили.

В конце ноября 1940 года Ф.Хужин вернулся в родные Табулды. Устроился завхозом в колхоз. На этой должности он и встретил 22 июня 1941 года. Как специалиста по противовоздушной обороне, его вызвали в райвоенкомат и назначили химинструктором. Организовать кружки по ПВХО в райцентре и обучать людей этому делу — такова была его задача.

«Идет война, гибнут люди, каждый день десятки городов и сел переходят в руки врага, — пишет отец. — Из райцентра ежедневно отправляются на войну по несколько десятков человек. А я околачиваюсь в тылу. Встречные знакомые обычно задают один и тот же вопрос: «Ты все еще здесь?» Обидно и стыдно. Но у меня бронь. Военком, когда я ему обратился с просьбой отправить на фронт, сказал как отрезал: «Ты здесь нужнее». Однако я не переставал задавать комиссару свой вопрос: «Когда?» Так наступила осень. 5 сентября утром передали долгожданное сообщение: «Хужин, тебя вызывает военком».

Поездка на фронт была очень долгой. Эти события отец описал подробно. С женой, которая сама приехала в райцентр, простились в спешке. В тот же день семь человек отбыли в Стерлитамак, далее в Уфу. Месяц они провели в деревне Чесноковка Уфимского района. Жили в здании клуба, обучались военному ремеслу, помогли колхозу убирать урожай. Затем небольшой отряд прибыл на станцию Чишмы. Здесь формировался полк, в составе которого красноармейцам предстояла дорога на запад. Ф.Хужина назначили химинструктором в саперную роту. Опять потянулись дни, наполненные занятиями, работой в колхозе.

Наконец, 14 октября их переодели в солдатскую форму (отец надел ее в третий раз) и, посадив в товарные вагоны, отправили на запад. В город Ярославль прибыли через несколько суток. До передовой было еще далеко, но город уже подвергался бомбардировке. Дальше шли пешком ночами по 35—40 километров. А осенние ночи темные, дует пронизывающий ветер.

Переход занял семь суток. На восьмые полк вступил в городок Пошехонье-Володарск. «Пройдя немного на запад, — следует из записи, — наша рота расположилась в деревне Михайловка. Кругом дремучий хвойный лес, потому дома здесь ставят большие, по пять — семь комнат. Жилось здесь легче, спали вдоволь. Каждую субботу — баня. Конечно, в основном занимались боевой подготовкой».

15 декабря рота оставила Михайловку. Преодолев около 90 километров за две ночи, красноармейцы вступили в город Рыбинск. Далее до Торжка — на поезде. Город только что был освобожден от врага. Ни одного целого здания. На уцелевшие постройки немец, оказывается, пустил «красного петуха». В пешем порядке всю ночь шли в западном направлении и на рассвете подошли к большому селу Иванка. Здесь также все лежало в руинах. Уже были слышны разрывы снарядов и стрельба из пулемета. В небо взлетали ракеты. Между собой тихо разговариваем: «Скоро и нам вступать в бой». Но никто не унывает, наоборот, у всех приподнятое настроение. Одно портит настроение — очень хочется есть.

За Советскую Родину!

«...21 декабря 1941 года день выдался ясным. Стоял такой мороз, что плевков замерзал, не долетая до земли. Мы ждали приказа о наступлении. После почти часовой артподготовки поднялись в атаку. Я возглавил одно из отделений саперной роты. Впереди на невысоком холме — деревня Скворцовка. Враг засел там крепко. Нам приказано выбить его оттуда. Нас разделяет поляна, покрытая глубоким снегом. От мороза с трудом передегиваются затворы винтовок. Враг пустил в ход минометы и пулеметы. Белая поляна за считанные минуты превратилась в черную. Мины разрываются то спереди, то сзади. Много солдат погибло, немало и раненых, которые взывают о помощи.

Но мы продвигаемся вперед. Сзади поступает новое пополнение. К счастью, враг не успел установить проволочные заграждения. Немцев мы все же выбили из деревни. Многие были уничтожены, часть сдалась в плен. Это был крупный успех. То там, то здесь валялись трупы вражеских солдат, одетых поверх обмундирования в гражданскую одежду. Гитлер-то рассчитывал разгромить СССР за лето и крупно просчитался. Я и до этого слышал, что немцы, спасаясь от холода, отнимают зимнюю одежду и обувь у местных жителей. Теперь это видел своими глазами. Видел дрожащих от холода фашистов, сдавшихся в плен. Выглядели они жалкими.

Трое суток подряд мы преследовали врага. Фашисты цеплялись за каждый холм, за каждую деревню, стараясь удержаться. Однако мы давим на гитлеровцев, не даем им никакой передышки. Только на четвертые сутки полку дали отдых. Мы вернулись в расположение своей роты. Товарищей интере-

суют подробности наступления, мы охотно отвечаем. Оказалось, я отморозил пальцы правой ноги. Они почернели и нестерпимо ныли. Товарищи растерли их водкой, дали и выпить. Немного полегчало...»

1 января 1942 года отец в составе своей роты шел в наступление на деревню Ольховка. Враг оказал ожесточенное сопротивление, которое все же было сломлено. За проявленную отвагу помощник командира взвода Файруша Хужин и еще двое рядовых были приняты кандидатами в члены КПСС. «Быть коммунистом — значит идти в наступление, — напишет он. — Но не всегда следовала удача. Возле деревни Жигулево рота чуть было не угодила в плен. От внезапного наступления врага командира взвода Пискунова охватила паника, и он пустился в бег. За ним последовали и другие. Спрятались в глухом лесу и в спешке потеряли ориентиры. Так что пришлось бродить очень долго, прежде чем попали к своим».

О боях под Ржевом по каналу НТВ показали целый документальный фильм. Здесь были затяжные бои, и погибло свыше 800 тысяч красноармейцев. Из записей отца следует, что и ему пришлось воевать в этих местах.

«...Нашей 39-ой армии, — пишет он, — Верховный главком приказал проникнуть в тыл врага и окружить город Ржев. Не зная передышки, мы прошли 175 километров и стали. Дальше не было ни сил, ни боеприпасов. Поступлений живой силы и боеприпасов из тыла стало все реже и реже. Полк был вынужден перейти к обороне. Вскоре 361-ой стрелковой дивизии было присвоено звание «гвардейской». Она стала 21-ой гвардейской дивизией, а 64-й полк — гвардейским полком.

На фронте наступила тишина. Так с небольшими боями встретили весну. 16 мая вручили партийный билет. Получил красную книжку из рук начальника политотдела дивизии подполковника Кравца. Радости не было предела. Вскоре дошло известие, что дивизия попала в окружение, враг давил со всех сторон, стремясь нас уничтожить. Стали отступать, сопротивляться не было сил. Идем, не зная куда, изредка останавливаемся. Паника. В лесу полно солдат. Еды — никакой. Зарезали коней, благо с нами оказались кавалеристы. Конину ели прямо сырую. Огонь разводиться нельзя, враг может обнаружить. Наше положение с каждым днем становилось все хуже и хуже. Обросли бородой, одолели вши, изнасились сапоги. Многие красноармейцы ходят без пилоток, в разодранной одежде. С голоду стали есть траву, болотных лягушек. Однажды чуть не угодил в плен. Как-то раз выставили охрану и легли спать. Просыпаюсь, а между нами ходят немцы. Схватил винтовку и бежать в лес. Немец, который попытался было схватить меня, кричит:

— Рус, сдавайс!

Уносил ноги так быстро, как никогда в жизни. Остановился за толстой сосной и оглянулся назад. Немцы собирали пленных красноармейцев в группу, некоторые стреляли в мою сторону. Хотя патронов осталось всего пять штук, я не стерпел и произвел один выстрел.

Из целого взвода осталось около полутора десятка солдат. Пискунов не нашелся. Вместе со своими товарищами я присоединился к группе пожилого капитана. Очень хорошим человеком оказался этот русский офицер. Знал историю башкир и ко мне относился, как к своему сыну.

17 июля 1942 года группа окруженцев, объединившись с партизанами, вступила в бой с фашистами и, прорвав оборону, вышла к своим. Красноармейцев накормили, дали чистую одежду. Стало так легко, что, если бы были крылья, то обязательно взлетел бы. Погрузив в вагоны, нас отправили на восток. Поезд доставил в город Загорск. Здесь встретились с пропавшим лейтенантом Пискуновым. К своим из целого взвода вышли только трое. Рейд в дремучем лесу занял 40 суток.

Дальше — опять бои. Враг бежит, не цепляется за каждый холм и деревню. Отступает, оставляя технику, машины. Все дороги завалены танками, орудиями, брочками, легковыми и грузовыми автомобилями. Кто из наших солдат умеет управлять техникой, садятся за руль и преследуют фашиста на его же транспорте.

Вскоре бойцы вступили в Невель. Город в основном состоит из деревянных зданий. Оказалось, ночью сюда внезапно ворвалась наша танковая бригада. В расположенное посреди города здание учебного батальона немцев угодил наш снаряд. Со страху курсанты высыпали на улицу в одном белье. Советский десант уложил их на месте. Тела убитых, словно стая мертвых гусей, валялись повсюду.

В Невеле оказалось много вражеских складов с провиантом. Один из них был забит нашей водкой «Московская». В складах было много консервов, маргарина, конфет, сала и искусственного меда, а также обмундирования, боеприпасов. Через два дня немцы перешли в контрнаступление и ворвались в город. Завязались уличные бои. На небе появились вражеские бомбардировщики. Однако вскоре наши истребители их разогнали. К вечеру бои стихли, враг покинул город. Преследуя отступающих немцев около 15 дней, мы стали около деревни Дерганово. Дальше наступать не было сил.

...В конце деревни мы обнаружили четыре тела. Видимо, это были конные разведчики, так как вблизи лежали трупы лошадей. У одного из бойцов, капитана по званию, были отрублены обе руки до самых плеч, у второго не было ноги. У третьего наполовину обуглено тело.

Остался позади и 1942 год. В одном из наступлений пришлось пролежать на снегу весь день. Противник вел сильный прицельный огонь. Простудившись, 18 суток провел в санбате».

1943 год для отца выдался щедрым на награды. Одну за другой ему вручили медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Но вот беда, во время вражеской бомбардировки осколок угодил в левую руку. Выздоровливать пришлось, не отходя от передовой, так как полк находился в обороне. Вообще дальше отцу не везло. Через три месяца, в феврале 1944 года, осколок вражеского снаряда пробил ему грудь. Поместили в госпиталь в городе Коврове. Далее были госпитали городов Горький, Иваново, Загорск, Пушкино и Ивантеево. Раненые красноармейцы жили в неотопляемых рабочих бараках. От холода мерзли даже обутые в валенки ноги. Но молодой организм оказался крепче болезней, и отец выздоровел.

Затем снова на фронт. Сначала прибыли в Смоленск. Затем через город Витебск направились на запад. Города и села лежали в руинах. Ни

одного целого здания! Кому удалось уцелеть, жили в землянках. Далее — наступление, вой «катюш». Только вперед. В конце мая отца определили в 232-ую запасную танковую бригаду на должность помощника командира взвода. Также поручили вести партийную работу в роте. Около половины личного состава составляли узбеки, казахи, киргизы, были башкиры и татары. Отец занимался пропагандистской работой, более половины роты составляли коммунисты.

Немцы отступают. Преследуя их, наши войска вступили на территорию Латвии. «Здесь нет обычных деревень, — сообщает отец. — Каждый живет своим хозяйством на собственной земле». В начале августа 1944 года уже на литовской земле его опять ранило в грудь. Но пять суток спустя он уже был в строю. Теперь их положение стало лучше. Враг бежит, оставляя все. С питанием вообще нет проблем. Сало возят прямо в кадушках. В день они продвигались на 35—40 километров в западном направлении.

6 января 1945 года отец шел в атаку, как оказалось, в последнюю. Почти рядом с ним разорвался снаряд, и он потерял сознание. Пришел в себя только в медсанбате. Оказалось, осколком снаряда ему перебило челюсть, от другого осколка сильно пострадала правая рука. Множество мелких осколков застряли в голове и левой ноге. На машинах раненых доставили в город Шяуляй. «Рядом со мной, — вспоминает отец, — лежал танкист. Он еле дышал, обгорело почти все тело. А мое положение все же лучше», — успокаивает он себя.

Его война уже отгремела. Но до возвращения к более-менее здоровой жизни еще было далеко. Переходя из одного санитарного поезда на другой, из одного западного города в другой и все дальше на восток и терпя адские муки (челюсть оперировали пять раз), отец, наконец, был доставлен в госпиталь города Молотов (ныне — Пермь). Еще в пути ампутировали так и не зажившую руку. Провалившись в госпиталях в общей сложности почти четыре месяца, наконец, красноармеец Файруша Хужин выписался домой.

День Победы встретил в пути, а 12 мая перешагнул порог родного дома.

Поднимать хозяйство не легче, чем воевать

Деревня, где прошли его детство и начало взрослой жизни, встретила фронтовика уныло. Многие сельчане, особенно мужская часть, погибли на войне или умерли здесь от голода. Рабочая сила колхоза состояла из женщин, стариков и подростков. Посевы сократились до минимума, скота осталась едва ли половина из того, что было до войны. В июне он, одорукий фронтовик, вновь стал председателем колхоза. С организацией любой работы было очень тяжело, везде не хватало людей. Дела шли туго, через год отец был освобожден от должности и стал налоговым агентом. Работа тоже не из легких, у населения денег почти нет. Надо было заставлять людей подписываться на займы. Но восемь месяцев спустя бывшего фронтовика снова избирают руководителем хозяйства. На дворе март, надо готовиться к севу, а инвентаря и всего прочего не хватает. Лошади тощие, еле таскают ноги. Трактора старые, не то что по

целине, по мягкой пашне еле тянут. Пришлось запрягать коров, отчего женщины пришли в ярость, открыто проклиная колхоз.

В муках минул и 1947 год. На один трудодень колхозникам выдали по 350 граммов зерна. В тяжелых испытаниях прожили и 48-й. Колхозникам на один отработанный день уже полагалось по 420 граммов. В октябре 1949 года райком КПСС снова освободил его от должности председателя. «Работу сдал с радостью, — пишет он. — Как будто гора свалилась с плеч. Назначили меня агротехником. Это была новая для колхозов работа. Приходилось прилагать огромные усилия, чтобы организовать посадку лесных насаждений для защиты сельхозугодий от эрозии. Меня оставили членом правления колхоза, сколько бы раз ни укрупнялось хозяйство, являлся также и членом парткома. Несколько раз избирался председателем товарищеского суда».

В марте 1967 года инвалид II группы Великой Отечественной войны Файруша Мухаметович Хужин вышел на пенсию. Ему исполнилось всего 54 года. А он был весь больной. «Пора на покой, — напишет он потом. — Теперь достаточно молодых специалистов с дипломом. Да и здоровье начинает подводить. Семь лет жизни отдал председательской работе, еще столько же военной службе, 18 лет трудился агрономом. Пожалуй, достаточно. За прожитую жизнь краснеть не придется». Далее он перечисляет награды: Орден Славы III степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и т.д. Есть и Почетные грамоты райкома КПСС и райсовета. Как у поэта Хади Такташа, «прошла озорная молодость, как цветок, распутившийся утром и увядший к вечеру». Все проходит, не изобретено еще лекарство, которое дарит молодость, воскрешает усопших. Уже возродились разрушенные войной города и села. Выросли новые леса там, где не так давно отгремели бои. Выровнялись воронки от снарядов, и на этих землях колосится хлеб. Все это дело рук советских людей. Только не заживают раны, болят, причиняя невыносимые страдания.

Отец прожил жизнь, которая досталась их поколению. В советской стране строили новую жизнь — коммунизм. Его идеи увлекли многие миллионы, заражая своей новизной. Ведь новое непременно должно быть лучше. Судьба распорядилась так, что отцу было суждено идти чуть впереди остальных, мобилизуя и организуя их на труд, на подвиг. Потому он стал коммунистом. Не тем, кто заседал, писал отчеты, а трудился непосредственно на земле, на которой родился. Работал рядом с теми, кто пахал, сеял и убирал, ходил за скотиной. Ему и в голову не могло прийти, что когда-нибудь принадлежность к КПСС будет вызывать у кого-то не лучшие чувства. Слово «коммунист» превратили в ругательное те, кто вступил в партию по корыстным соображениям. А для настоящих людей, не обремененных личными мотивами, быть коммунистом означало служение людям, делу и, конечно же, идеям. Именно эти люди и отстаивали в войну Советский Союз, разгромили фашизм и восстановили народное хозяйство в послевоенные годы.